

Патрушев Сергей

A full-page illustration for a book cover. It features a man and a woman in a dramatic, fiery setting. The man, on the right, has dark hair and intense red eyes, wearing a black zip-up jacket. The woman, on the left, has long, flowing red hair and also has red eyes, wearing a black crop top and high-waisted jeans. They are both looking directly at the viewer. The background is a fiery, orange-red sky with dark, jagged silhouettes of a castle or fortress in the distance. The overall mood is intense and mysterious.

КЛИНОК СУДЬБЫ

Сергей Патрушев

Клинок Судьбы

<https://litres.ru/74534724>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алекс, маг-отступник, способный видеть нити судьбы, вырывает королеву Аделию из лап безумного короля-механика Алдрика, забирая её боль себе. Спасаясь от двух боевых магистров, огненного Вейна и ледяного Фенрира, беглецы находят приют в забытых Северных Пределах.

Там, среди снегов, изгнанники строят утопию из живого камня и магии. Но Алдрик, лишённый эмоций и ведомый лишь чистой энтропией, собирает Великую Армию, чтобы стереть Север с лица земли.

Цена свободы — последняя битва, в которой судьбу придётся не предвидеть, а переписать.

Содержание

Глава 1. Тень на троне	4
Глава 2. Маг, видящий нити	27
Глава 3. Просьба короля	48
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Клинок Судьбы

Глава 1. Тень на троне

Смерть пахнет не ладаном и не тленом. Смерть пахнет остывшим воском.

Король Алдрик Мудрый сидел на ступенях перед пустым алтарем в Великой часовне, и этот запах въедался в его королевские одежды, в его волосы, в самую его плоть. Две недели минуло с того дня, как угасла королева Аделия, но время в замке остановилось. Оно застыло в тот самый момент, когда последний вздох сорвался с ее бледных губ, и теперь медленно, мучительно осыпалось серой пылью на каменные плиты. Королевство утопало в трауре. Черные стяги, лишённые золотых гербов, безжизненно висели на шпилях башен, намокнув от бесконечного осеннего дождя. Город за стенами дворца вымирал к закату, и лишь тусклые фонари в руках плакальщиц чертили в темноте дрожащие желтые круги.

Алдрик не чувствовал холода каменного пола. Он смотрел на место, где еще недавно покоилось тело его возлюбленной, укрытое белым шелком. Теперь здесь стояла лишь пустота, и эта пустота была громче любого крика. В ней не было ни божественного покоя, о котором твердили жрецы, ни умиротворения. В ней была дыра, прореха в самой ткани мироздания, и сквозь эту прореху в грудь короля задувал

ледяной ветер абсолютного, первобытного ужаса.

Он был Алдриком Мудрым. Строителем мостов, покорителем диких западных пустошей, объединителем разрозненных баронств. Он провел судебную реформу, отменил пытки и ввел единый налог, при котором крестьяне не умирали с голоду в неурожайные годы. Его разум всегда был его главным оружием — острым, как полированная сталь, холодным и безупречным. Но разум покинул его в тот день, когда лихорадка, посланная то ли богами, то ли демонами, выжгла легкие Аделии за три дня.

Мудрость оказалась бесполезной перед лицом гниения.

— Ваше Величество, — голос раздался от дверей часовни. Тихий, скрипучий, похожий на шелест пергамента. — Вы здесь уже третьи сутки. Придворный лекарь умоляет позволить ему осмотреть ваши ноги. Они почернели от холода.

Король не повернул головы. Он знал этот голос лучше, чем свой собственный. Барон Этьен де Кро, Первый советник, Хранитель Большой печати, человек, который не спал, кажется, со времен Войны Алой Розы.

— Пусть осмотрят, когда я велю, Этьен, — голос Алдрика был сухим, как осенняя листва. В нем не осталось ни королевского металла, ни человеческой теплоты. — Оставь меня. Я молюсь.

— Вы не молитесь, государь. Вы гниете заживо вместе со своим королевством, — Этьен прошел вперед. Его шаги не нарушили тишины часовни, он двигался бесшумно, словно

ть. — Чернь на рынках уже шепчется, что чума вернулась. Купцы закрывают лавки. Западные графы, те, что клялись вам в верности на крови, прислали гонцов. Они спрашивают, кто держит скипетр, пока король оплакивает простыню, пропитанную кровью королевы. Траур — это ткань, Ваше Величество. Она не может быть фундаментом для государства вечно.

Алдрик медленно повернул голову. Лицо советника в полумраке казалось вырезанным из старого, потрескавшегося дерева. Глубокие морщины, тусклые, но пронзительные глаза, в которых не было ни капли сочувствия — лишь холодный, прагматичный расчет.

— Ты предлагаешь мне снять траур и устроить бал, Этьен? Танцевать на ее могиле? — в голосе короля прорезалась сталь, но она тут же надломилась. — Убирайся. Или я прикажу страже вынести тебя вместе с твоими донесениями о недоимках.

Этьен не шелохнулся. Он опустился на одно колено прямо в лужу натекашей с плаща короля воды. — Я предлагаю вам вспомнить, что вы — щит этого королевства. Аделия была его сердцем. Сердце остановилось, но щит все еще должен держать строй, иначе нас всех сомнут. Западные бароны не чтут память. Они чувствуют слабость. Если вы не вернетесь на трон через три дня, граф де Моро объявит себя регентом. А он любит власть больше, чем вы любили свою жену, уж простите мою дерзость.

Упоминание Аделии в таком контексте — холодном, взвешенном, лишенном всякого священного трепета — ударило Алдрика наотмашь. Он вскочил. Тяжелая цепь Ордена Расвета, звякнув, врезалась в ключицы.

— Не смей говорить о ней! — прорычал король, хватая советника за бархатный воротник. — Ты, чернильная душа, ты, счетовод! Ты хоть понимаешь, что она была живым человеком, а не статьей в твоём гроссбухе?!

Этьен не сопротивлялся. Он лишь поднял свои выцветшие глаза и посмотрел прямо в лицо королю. В этом взгляде не было страха. Была только бесконечная, выжженная пустыня усталости. — Я понимаю, что она была единственным, что удерживало вас от того, чтобы стать таким же, как я, — ровно произнес советник. — Отпустите меня, государь. Вы мнете бархат, который стоит дороже годовой дани с восточных провинций.

Алдрик разжал пальцы. Он тяжело дышал, глядя на свои руки. На костяшках выступила серая пыль от каменных плит.

— Она приходит ко мне во сне, Этьен, — сказал он вдруг совсем тихо, и ярость в его голосе сменилась растерянностью ребенка. — Она стоит на том берегу Черной реки. Я вижу ее так ясно, что могу пересчитать каждую жемчужину на ее свадебном ожерелье. Она улыбается, но не делает шага навстречу. А вода в реке кипит. И когда я пытаюсь войти, что-то держит меня за лодыжки. Я не могу к ней перейти. Я про-

сыпаюсь, и мои ноги ледяные. Я отдал бы корону. Я отдал бы свою бессмертную душу. Я отдал бы все, лишь бы она сделала этот шаг.

Тишина часовни сгустилась, стала плотной, почти осязаемой. Даже треск свечей в тяжелых канделябрах стих. Этьен медленно поднялся, отряхивая колени.

— Душу, значит, — задумчиво протянул он. — Это уже предмет для торга. Придворные маги... вы же вызывали их вчера?

— Бестолочи, — скривился Алдрик. — Они умеют зажигать свечи щелчком пальцев и пускать разноцветные искры из пальцев. Они бормотали свои защитные формулы, чертили круги солью. Старший магистр упал в обморок, когда я приказал ему заглянуть за Грань. Они боятся собственной тени, Этьен. Они — попугаи в шелковых мантиях.

— Они — инструмент для ярмарок и успокоения черни, — кивнул советник. — Для того, что нужно вам, государь, требуются иные инструменты. Древние. Опасные. Те, что не преподают в Академии Высоких Искусств.

Алдрик замер. В его потухших глазах впервые за две недели мелькнул огонек, не имеющий отношения к скорби. Это был огонек безумия. Огонек надежды. — Ты о чем-то знаешь, — это был не вопрос, а утверждение. — Ты никогда не приходишь в часовню, Этьен. Ты боишься здесь находиться, потому что здесь нет стен, к которым можно прислонить кинжал. Говори. Быстро, пока я не приказал вырвать тебе

язык за то, что ты заставил меня произнести ее имя в таком тоне.

Этьен медленно подошел к алтарю. Он провел пальцем по камню, стирая невидимую пылинку, и достал из рукава маленький ключ на витой серебряной цепочке. — В архивах Короны, в секции, запечатанной печатью вашего прадеда, хранится «Кодекс Исхода». Сборник легенд, которые мы предпочитаем считать сказками. Сказками о временах, когда магия не была служанкой королей, а была хлыстом богов. Там упоминается человек. Или то, что когда-то было человеком. Его звали Алекс.

— Алекс, — повторил Алдрик, пробуя имя на вкус. — Я не знаю такого имени среди лордов. — Он никогда им не был. Говорят, он родился в грязи, в портовых трущобах, но его дар... Его дар не подчинялся законам Академии. Он не жег огнем и не двигал камни. Он видел. Нити судьбы. Причинно-следственные связи. Он смотрел на человека и видел, как его дедушка однажды не уступил дорогу слепому, и как это через сорок лет приведет к тому, что правнук этого человека утонет в бочке с вином. Он видел полотно целиком.

Этьен повернулся к королю. В полумраке его лицо казалось маской. — И, по слухам, он умел их перерезать. Или связывать заново.

— Сказки, — выдохнул Алдрик, но в его голосе не было уверенности. — Бабы сказки, чтобы пугать непослушных детей. Если бы такая сила существовала, он бы правил ми-

ром, а не прятался в грязи.

— Он и не прячется, — советник вставил ключ в едва заметную щель в каменной кладке за алтарем. С тихим скрежетом часть стены отъехала в сторону, открывая узкий, пахнущий пылью и вековой тайной проход. — После Войны Расколотого Неба, когда первые короли вашей династии выжигали остатки старой магии, Алекс был приговорен. Не к смерти. Смерть для него была бы милосердием. Его приговорили к Забвению. Ему вырвали имя из всех свитков, стерли его следы из памяти людей. Но казнить того, кто видит нити, невозможно — он всегда знает, в какой момент палач споткнется, а топор даст осечку. Его просто изгнали. В Проклятые топи, за Перевал Мертвых Ветров. Место, куда не ведут дороги. Место, куда ссылают саму смерть, когда она становится слишком назойливой.

Алдрик шагнул к проходу. Пыль из вентиляции заставила его закашляться, но он не обратил на это внимания. — Ты хочешь, чтобы я, король, пополз на коленях в болота к безумному старику? — в его голосе зазвенела уязвленная гордость. — Чтобы я молил его о чуде?

— Я хочу, чтобы вы выжили, государь, — жестко отрезал Этьен. — И чтобы королевство не утонуло в крови гражданской войны до конца этого месяца. Гордость — это роскошь, которую мы больше не можем себе позволить. В «Кодексе» сказано, что Алекс берет плату. Не золотом. Золото для него — прах. Он берет воспоминания. Фундамент ва-

шей личности. Говорят, один проситель отдал ему память о своем первенце, чтобы излечить того от яда василиска. Ребенок выжил, но когда отец вошел в детскую, мальчик кричал от страха, не узнавая его. Другой отдал память о своей первой любви, чтобы выиграть безнадежную битву. Он выиграл, стал великим полководцем, но до конца дней спал в обнимку с мечом, потому что постель казалась ему пугающе пустой.

Алдрик слушал, и с каждым словом советника его плечи опускались все ниже. Он смотрел на алтарь, на место, где лежала Аделия. Мысль о том, чтобы забыть... Забыть тепло ее руки, звук ее смеха, то, как она морщила нос, когда пила кислое вино... Эта мысль была физической болью. Это было бы второй смертью, окончательной и куда более страшной, чем та, что забрала ее тело.

— Я не могу, — прошептал он. — Если я забуду ее, Этьен... зачем мне тогда возвращаться? Зачем мне трон, корона, жизнь? Я стану пустым. Живым мертвецом. Чем я тогда буду отличаться от нее?

— Тем, что у вас будет возможность смотреть, как растет ваш сын, — тихо произнес советник. — Принцу Эдмунду семь лет. Он запирается в своих покоях и рисует на пергаменте черепа, потому что считает, что отец его ненавидит. Вы не выходили из часовни с похорон, государь. Мальчик думает, что прогневал вас. Он готовит себя к тому, что вы отошлете его в монастырь. Если вы не вернетесь, если де

Моро захватит регентство, вашего сына удавят шелковым шнурком через неделю. Слишком уж он законный наследник. Слишком удобная помеха.

Упоминание сына ударило точнее, чем упоминание Аделии. Алдрик закрыл глаза. Эдмунд. Мальчик с ее глазами и его упрямым подбородком. Плод их любви, который теперь рос в ледяном склепе королевского равнодушия.

— Что именно он сможет сделать? — хрипло спросил король, не открывая глаз. — Этот твой... Алекс. Он сможет вернуть ее?

Этьен долго молчал. Слышно было, как где-то под сводами часовни возится разбуженная сквозняком летучая мышь. — «Кодекс» туманен. Он говорит, что нельзя вернуть то, что пересекло Реку. Грань священна даже для тех, кто плетет судьбу. Но... там есть упоминание. О «зеркальной душе». О создании аватуры. Не призрака, не голема. Искусственной копии, сотканной из плоти, памяти и той самой нити судьбы, которую Алекс перережет в прошлом. Он может вернуться в тот день, когда лихорадка только коснулась ее. Вырезать эту нить. И привязать к ее телу новую. Она проснется в своих покоях. Она будет помнить вас. Она будет любить вас. Она будет... почти настоящей.

— Почти, — повторил Алдрик. Слово повисло в воздухе, холодное и склизкое, как болотная пиявка. — В ней не будет... искры, — пояснил Этьен. — Той божественной или демонической искры, что делает человека человеком. Она

будет идеальной. Слишком идеальной. Она никогда не будет стареть. Никогда не будет болеть. Ее любовь будет абсолютной, лишенной тех мелких трещин ревности и усталости, что есть в чувствах живых. Но она будет улыбаться вам, Алдрик. Она будет спать в вашей постели. И ваш сын не станет сиротой. Выбор за вами. Пустой трон в сгнившем изнутри королевстве или живой морок на троне процветающем.

Король медленно подошел к тайному проходу. Каменные ступени уходили вниз, во тьму, пахнущую старой бумагой и озоном. — Собирай отряд, — глухо приказал Алдрик. — Десять человек. Лучших. Из тех, кто умеет держать язык за зубами. И готовь лошадей. Мы выезжаем до рассвета.

— Лошади не пройдут через Топи, государь, — мягко возразил Этьен, выходя из часовни в коридор. — Вам придется идти пешком. И молиться, чтобы трясина забрала вас раньше, чем вы сойдете с ума от местных миазмов. Я прикажу снарядить плоскодонные лодки и подготовить провизию на месяц. Пути до Перевала Мертвых Ветров — три недели, если погода не испортится. А она испортится. Она всегда портится для тех, кто ищет Алекса.

— Мне плевать на погоду, — бросил король через плечо. — Скажи капитану гвардии, что мы едем на тайную инспекцию северных рудников. Если хоть одна живая душа в замке, от судомойки до твоих писарей, узнает правду — я лично посажу тебя на кол на дворцовой площади.

— Как прикажете, Ваше Величество, — Этьен склонился

в глубоком поклоне.

Когда шаги советника стихли в глубине коридора, Алдрик остался один перед черным провалом тайного хода. Он протянул руку и коснулся ледяного камня.

Две недели назад он был готов отдать душу. Теперь он понимал, что душа — это слишком расплывчатая валюта. Ему предстояло отдать свою память. Свою суть. Свою человечность.

Он обернулся в последний раз, взглянув на алтарь. — Прости меня, — прошептал он в пустоту. — Я верну тебя. Чего бы это ни стоило. Даже если ты станешь моим самым страшным проклятием.

Алдрик Мудрый шагнул во тьму, и каменная плита за его спиной беззвучно встала на место, отрезая короля от его королевства, от его скорби и от его прошлого.

Грязь Проклятых топей имела вкус. Она пахла ржавчиной, гнилыми водорослями и старым, выдохшимся страхом. Она была не просто влажной — она была голодной.

Месяц пути стер с короля Алдрика весь лоск правителя. Его некогда роскошный камзол превратился в лохмотья, пропитанные болотной водой. Бархат осыпался, золотое шитье почернело и окислилось, оставив на коже зеленые разводы. Высокие сапоги из тисненой кожи сгнили на ногах, и теперь его ступни были обмотаны кусками собственного шелкового белья, превратившимися в сплошную, кишашую па-

разитами коросту. Он похудел на два стоуна, лицо заострилось, а под глазами залегли глубокие, черные тени.

Рядом с ним, увязая по колено в бурой жиже, брел капитан Гарет. В отличие от короля, он не нес на плечах бремя великой скорби. Он нес бремя ответственности за десять мертвецов.

Их было двенадцать, когда они покинули столицу. Этьен де Кро остался в замке — «плести паутину», как он выразился, скрывая исчезновение монарха. Из двенадцати до топей дожили восемь. Первого сожрал туман — буквально. Он шагнул в белесую дымку, чтобы отлить, и его крики просто обрезало, словно ножом. Когда Гарет бросился на звук, он нашел лишь пустые сапоги, стоящие прямо в воздухе, из которых медленно вытекала кровь. Второго забрала трясица — бледный цветок, раскрывшийся прямо под его панцирем; корни проросли сквозь металл и плоть за считанные секунды, оставив лишь чистый, обглоданный скелет в доспехах. Третий сошел с ума на шестой день, начал смеяться, увидев в грязной луже лицо своей утонувшей в детстве матери, и сам шагнул в окно пузырящегося метана. Остальные умирали от болотной лихорадки, от укусов прозрачных пиявок, что высасывали кровь, не оставляя ран, или просто исчезали ночью, утащенные кем-то, кто умел ходить по воде, не тревожа ряску.

— Привал, — хрипло скомандовал Гарет, хотя никто не двигался уже полчаса. Просто слово, чтобы напомнить себе,

что он еще командует хоть чем-то. — До заката час. Нужно найти кочку повыше.

— Мы не будем останавливаться, — голос Алдрика был сухим треском. Он стоял, опираясь на обломок копья вместо посоха. Вода доходила ему до бедер, но он, казалось, не замечал холода. Его глаза, воспаленные и красные, смотрели только вперед, в серую бесконечность испарений. — Этьен говорил, что у Перевала Мертвых Ветров есть старый маяк. Мы должны дойти до него к ночи.

— Ваше Величество, если мы сделаем еще сто шагов, нас останется шестеро, — Гарет сплюнул вязкую слюну. — Люди падают. Лодки мы бросили три дня назад, когда ил стал слишком вязким для весел. Провизия подмокла, хлеб превратился в камень плесени. Еще одна ночь в воде, и завтра утром я не смогу поднять их на ноги. Они просто разденутся и сами пойдут на дно, чтобы прекратить это.

Алдрик медленно повернул голову. В его взгляде не было королевского гнева. Там было нечто куда более страшное — пустота человека, который уже умер, но забыл упасть. — Ты хочешь вернуться, капитан? — спросил он тихо. — Повернуть назад? Пройти этот путь снова, чтобы доложить барону Этьену, что король сдался в десяти милях от цели? Присягнешь на верность графу де Моро? Он, говорят, щедр к тем, кто вовремя меняет знамена.

Гарет сжал рукоять меча так, что побелели костяшки. — Я присягал вам, Ваше Величество. И я доведу вас до это-

го проклятого маяка, даже если мне придется нести вас на закорках, а мои люди будут дохнуть как мухи вокруг. Но я обязан сказать, что это самоубийство. Мы ищем призрака. Сказку для запугивания еретиков.

— Посмотри налево, — ровным голосом произнес Алдрик.

Гарет посмотрел. В десяти шагах от них из черной воды торчал остов перевернутой лодки. На ней, скрестив ноги, сидел человек. Или то, что выглядело как человек. Он был абсолютно сухим. Его одежда — простые холщовые штаны и рубаха — казалась только что снятой с ткацкого станка. На вид ему было лет сорок, но его волосы были белее снега на вершинах Северных гор. Он сидел и плел венок из бледных, светящихся в сумерках болотных цветов.

— Добрый вечер, капитан, — сказал человек, не поднимая головы от своего занятия. Его голос был мелодичным и спокойным, он совершенно не вязался с удушающей вонью топей. — Вы идете слишком быстро. Вы распугали моих жаб. И слишком громко. У болота очень тонкий слух, оно не любит грубость.

Люди Гарета, те, кто еще стоял на ногах, схватились за оружие. Сталь с шипением вошла в воду. — Кто вы такой? — рывкнул капитан, выставив перед собой меч. — Назовитесь, во имя Короны!

Белый человек поднял глаза. Они были разного цвета: один — прозрачный, как лед, другой — абсолютно черный,

без белка и радужки, как провалы в бездну. — У меня нет имени, которое вы могли бы произнести, не повредив себе горло, — улыбнулся он. — Но когда-то давно ваш король знал меня как Алекса. Хотя, если быть точным, в той временной петле, где вы сейчас стоите по колено в дерьме, я еще не успел стать Алексом. Забавно, не находите? Вы проделали такой путь, чтобы найти старика, а нашли юношу. Время — очень неаккуратный резчик по кости реальности.

Алдрик шагнул вперед, раздвигая воду. — Ты можешь вернуть ее? — спросил он без предисловий. Голос короля дрожал от усталости, но в нем звенела стальная решимость. — Мою жену. Королеву Аделию.

Алекс (или тот, кто им станет) отложил венок. Цветы в его руках мгновенно пожухли, превратившись в черную слизь. Он склонил голову набок, рассматривая короля, словно дикий насекомое. — Ох, — протянул он с искренним сожалением. — Вы принесли мне самую страшную из валют. Отчаяние правителя. Оно всегда пахнет так... предсказуемо. Кровью подданных.

— Не юродствуй, — прорычал Гарет, делая шаг к магу. — Ты пойдешь с нами. Король приказал. Если откажешься...

— Ты попытаешься меня убить? — Алекс тихо рассмеялся, и от этого смеха по поверхности воды пошла рябь, хотя ветра не было. — Подойди, капитан. Попробуй. Я посмотрю, как далеко ты уйдешь.

Гарет, ветеран трех войн, не раз смотревший в лицо смер-

ти, вдруг почувствовал, как его мочевого пузырь предательски слабеет. Он опустил взгляд на свои сапоги. Вода вокруг них замерзала. Не покрывалась корочкой льда — она твердела, превращаясь в черный, отполированный до блеска обсидиан, сковывая его ноги по колено. Капитан дернулся, но его мышцы свело судорогой.

— Время здесь не линейно, Ваше Величество, — продолжил Алекс, полностью игнорируя изваяние капитана. Он поднялся на ноги, не касаясь руками бортов лодки, просто шагнув в воздух. — Я вижу нити. Я вижу ту, что тянется от вашего сердца к ее могиле. Она толстая, как корабельный канат. Она пропитана солью ваших слез. Чтобы вытащить ее оттуда, мне придется нырнуть очень глубоко. В день ее болезни.

— Я дам тебе все, что ты попросишь, — выпалил Алдрик. — Золото. Титул. Земли.

Алекс брезгливо поморщился. — Золото тонет в этой грязи, не оставляя следа. Земли я могу нарисовать себе сам, если мне станет скучно. Мне нужно то, что делает вас, Алдрик Мудрый, именно Алдриком Мудрым. Ваша точка сборки.

— Моя память, — глухо закончил за него король. — Я знаю условия. Забери. Все, что связано с ней. Оставь мне лишь знание о том, что я должен ее вернуть. И... — он сглотнул, — оставь мне любовь к сыну. Эдмунд — это все, что у меня останется, если...

— Если она снова станет лишь мороком? — закончил

Алекс. Он шагнул по воздуху ближе, и Алдрик увидел, что от ног мага не исходит ни звука, ни ряби. Он не шел по воде, он просто отменил для себя закон тяготения. — Вы думаете, что просите о милосердии. Вы просите о худшей из пыток. Вы хотите помнить, что любили женщину, но не помнить ее саму. Это пустота, которая выжрет вас изнутри быстрее, чем болотная лихорадка.

— Делай, — отрезал Алдрик. — Я не отступлю.

Алекс вздохнул. Это был вздох древнего существа, уставшего от бесконечного повторения человеческой глупости и человеческого величия. — Хорошо. Но вы ошибаетесь в одном, государь. Вы думаете, что платите мне. Но платить будет ваше королевство. Когда король теряет фундамент своей личности, фундамент его государства трескается. Вы ищете спасения для трона, но несете ему самую страшную из порч.

— Хватит проповедей, — Алдрик шагнул к магу, протягивая руку. — Начинай.

— Как прикажет мой король, — Алекс склонился в издевательском, глубоком поклоне.

Он поднял руку. На его ладони не было ничего, кроме грязи. Но эта грязь вдруг начала светиться изнутри тусклым, багровым светом, как угли в затухающем костре. — Закройте глаза, — приказал маг. — И молитесь тем, кого вы забыли, чтобы они не забыли вас.

Алдрик зажмурился. Он ожидал боли. Вспышки. Того, что его сознание вырвут с корнем, как гнилой зуб. Но вместо

этого пришла тишина.

Абсолютная, звенящая тишина, которая была плотнее любого камня. Она заполнила его череп, вытеснив мысли о топях, о мертвых солдатах, о голоде. Тишина начала просачиваться внутрь, в те уголки памяти, где хранился смех Аделии. Алдрик в панике попытался удержать его. Он вцепился в воспоминание мысленными пальцами, но они проходили сквозь него, как сквозь дым. Смех таял. За ним последовал цвет ее глаз. Затем — ощущение ее кожи под его ладонями. Тепло ее дыхания на его шее.

Он пытался кричать, но из его рта не вырывалось ни звука. Он был заперт в собственном теле, которое медленно лишалось своего прошлого. Он чувствовал, как рушится внутренняя библиотека. Полки с книгами, озаглавленными «Аделия», осыпались в пыль. Боль была не физической. Она была экзистенциальной. Это была агония души, осознающей собственное исчезновение.

А потом, когда пустота стала абсолютной, Алекс прошептал прямо в его ухо, хотя стоял в десяти шагах: — *Я не забирала ее, глупый король. Я отвязываю узел. Я возвращаю нить туда, где она еще цела. Но полотно... полотно уже измято. Его нельзя разгладить.*

Багровый свет на ладони мага вспыхнул нестерпимо ярко. И Алдрик упал в грязь.

Он очнулся от запаха.

Это был запах сухих трав, нагретого дерева и... лаванды. Аделия всегда клала мешочки с сушеной лавандой между простынями.

Алдрик резко сел.

Он лежал на огромной кровати под тяжелым балдахинном из синего бархата. В щели между занавесями пробивался яркий, золотистый солнечный свет — не серое, умирающее свечение топей, а живое, теплое солнце позднего лета.

Он поднес руки к лицу. Кожа была гладкой. Мозоли от меча, которые не сходили с его ладоней уже двадцать лет, исчезли. Ногти были аккуратно подстрижены. На нем была тонкая ночная рубашка из льна. Он опустил взгляд на свое тело. Никаких следов болотной лихорадки. Никакой худобы. Ему снова было тридцать пять. Он был полон сил.

Сердце колотилось где-то в горле. Он сорвал с себя рубашку. На груди, над сердцем, не было старого шрама от орочьей стрелы, полученного в битве при Красном Урочище. Шрам исчез.

— Алдрик? — голос раздался из-за спины.

Голос, который он только что забыл. Голос, который он только что продал свою суть, чтобы услышать снова.

Он обернулся, едва не упав с кровати.

Аделия стояла у туалетного столика. На ней было простое утреннее платье из голубого шелка. Ее волосы, цвета темного меда, были лишь слегка заколоты на затылке, и несколько прядей падали на шею. Она улыбалась своему отражению,

поправляя жемчужную нить.

Она была живая. Теплая. Настоящая. На ее щеках играл румянец.

— Ты опять проспал завтрак, — сказала она, не оборачиваясь. — Эдмунд уже в саду, пытается оседлать ту дикую пони, которую ты ему привез. Если он свернет себе шею, твой новый капитан гвардии меня не остановит, так и знай. Я сама оторву тебе голову.

Алдрик открыл рот. Он хотел закричать. Хотел спросить, что она здесь делает, почему она не в склепе, почему солнце светит так по-летнему, если месяц назад... Но слова застряли в горле.

Он смотрел на нее, и внутри него была абсолютная, звенящая пустота. Он знал, что должен любить эту женщину. Каждая клетка его обновленного, чистого тела кричала об этом. Он знал, что она — его жена. Королева. Мать его сына. Он знал факты: она любит лаванду, она боится пауков, она виртуозно играет на лютне, она никогда не позволяет ему выезжать на охоту без запасного колчана.

Но чувства не было.

Там, где раньше при взгляде на нее расцветал огненный сад, теперь лежал идеально отполированный мраморный пол. Он видел ее красоту, но она не отзывалась в нем ни единой вибрацией. Он смотрел на призрака, наделенного плотью. На самый прекрасный, самый совершенный морок в мире.

— Алдрик? — она наконец обернулась. Улыбка сползла с ее лица, сменившись тревогой. — Милый, ты побледнел. Тебе снова снились кошмары?

Она подошла к кровати, ее шаги были легкими, шелест шелка о паркет был музыкой. Она положила прохладную ладонь на его лоб. Прикосновение было настоящим. Он физически ощутил прохладу ее кожи, нежность ее пальцев.

И ничего не почувствовал.

— Кто я? — хрипло спросил он, отстраняясь. Вопрос вырвался сам собой, прежде чем он успел его обдумать.

Аделия замерла. Ее глаза, те самые глаза, которые он только что забыл и которые теперь снова смотрел на него, наполнились слезами. — Что за странные шутки? Это уже не смешно, Алдрик. Ты пугаешь меня. Ты — мой муж. Король. Ты выиграл ту глупую войну на юге, хотя я говорила, что переговоры...

Она осеклась. Она смотрела на его грудь. — Где твой шрам? — прошептала она. — Тот, от которого ты месяц лежал в жару... Где он?

Алдрик посмотрел на свою гладкую кожу. Алекс не просто забрал память. Он переписал реальность вокруг. Он затянул нить так туго, что полотно времени разгладилось. В этой версии реальности не было орочьей стрелы. Не было, возможно, и самой войны на юге.

— Я... я не помню, — солгал Алдрик, хватаясь за голову. — Голова... кружится.

— Это от духоты, — Аделия тут же бросилась к окну, распахивая тяжелые створки. — Я же говорила мажордому, чтобы прочистили дымоходы. Сейчас я позову служанку, пусть принесет холодной воды и мятный отвар. И пошлю за лекарем.

Она металась по комнате, живая, хлопотливая, любящая. Идеальная жена. Идеальная королева. Алдрик смотрел на нее, и холодный ужас, куда более страшный, чем трясина Проклятых топей, начал заползать ему под кожу.

Он получил то, что хотел.

Он услышал тяжелые шаги в коридоре. Гвардеец из его личной охраны. — Ваше Величество! — раздался голос. — Гонец из столицы! Срочная депеша! Барон Этьен просит немедленного ответа!

Алдрик встал. Ноги держали его твердо. Он подошел к столу, на котором лежал его королевский перстень. Он надел его на палец. Золото село как влитое.

— Впусти, — бросил он.

Вошел запыленный всадник. Он поклонился, тяжело дыша. — Ваше Величество... — начал он, но осекся, взглянув на короля. — Государь? Вы... вы так молоды. И... простите мою дерзость, но волосы... ваши волосы были почти седыми от горя еще неделю назад.

Алдрик посмотрел на свои темные, густые волосы. — Докладывай, — холодно приказал он, игнорируя слова гонца.

— Ваше Величество, — гонец сглотнул, его глаза бегали

от короля к королеве, которая застыла у окна. — В столице бунт. Граф де Моро объявил вас... то есть, он объявил, что вы пали жертвой темного колдовства и неспособны более править. Он запер Малый Совет в их покоях. Чернь на улицах жжет лавки менял. Гарнизон расколот. Барон Этьен удерживает Восточные ворота лишь с тремя десятками наемников. Он пишет, что если вы не вернетесь с войсками до заката, город падет.

Алдрик слушал. Он слушал о падении своего королевства так же, как слушал бы доклад о ценах на рыбу в порту. Он понимал каждое слово. Он понимал масштаб катастрофы. Но мозг обрабатывал эту информацию как сухую статистику.

— Вели седлать коней, — сказал он гонцу. — Мы выезжаем через час. Возьмем Серебряную гвардию.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — гонец попятился к двери, все еще косясь на короля с суеверным ужасом.

Когда за ним закрылась дверь, Алдрик тяжело оперся о стол. — Мне нужно уехать, — сказал он, не глядя на Аделию. — В столице беспорядки.

Аделия обернулась. Ее лицо было бледным. — Беспорядки? Эдмунд в замке

Глава 2. Маг, видящий нити

Маяк на Перевале Мертвых Ветров не горел уже триста лет.

Его каменное тело, изъеденное солью и ветрами, которые здесь никогда не стихали, торчало из скалы, как гнилой зуб. С вершины, где когда-то пылало зачарованное пламя, открывался вид на Оскаленное море — черную, вечно штормящую воду, бьющуюся о клыки базальтовых рифов. Здесь не жили даже птицы. Небо над перевалом было затянуто свинцовой пеленой, из которой то и дело срывался не дождь и не снег, а колючая ледяная крупа, режущая кожу до крови.

Алекс жил не в самом маяке. Он облюбовал сеть естественных пещер, уходящих глубоко в чрево горы. Внутри не было ни факелов, ни магических светляков. Тьма здесь была абсолютной, густой, как деготь. Но для Алекса она не была препятствием.

Его глаза всегда светились. Едва заметным, призрачным голубым светом, словно в глазницы ему налили жидкий лунный свет. Это не было отражением — свет шел изнутри, пробиваясь сквозь веки даже когда он спал. Это была цена. Или, как он сам предпочитал думать, абонентская плата за аренду его тела у мироздания.

Он сидел на голом камне в самой глубокой каверне, скрепив ноги. Перед ним в воздухе висела паутина. Но она бы-

ла соткана не из паучьего шелка. Она состояла из тончайших, вибрирующих струн света — золотых, серебряных, багровых, аспидно-черных. Каждая нить была жизнью. Каждая микровибрация на нити была выбором, словом, вздохом.

Алекс не просто смотрел на них. Он был ими.

Его сознание не было заперто в черепной коробке. Оно растекалось по этой паутине, ощупывая узелки вероятностей. Вот золотая нить — толстый, уверенный шнур судьбы графа де Моро. На ней завязан тугой, кровавый узел через три дня: штурм Восточных ворот, предательство наемников Этьена, алая лужа в тронном зале. Алекс видел это не как картинку, а как неизбежный аккорд в симфонии. Он мог бы коснуться этой нити, ослабить натяжение, и граф умер бы от несварения за ужином. Но Алекс не трогал чужие нити без крайней нужды. Каждое вмешательство требовало компенсации. Баланс был жестоким бухгалтером.

Он перевел взгляд — не глазами, а фокусом воли — на запад. Там, за сотни лиг, сквозь толщу гор и болот, тянулась тонкая, почти невидимая, вибрирующая как струна лютни, серебряная нить.

Алдрик.

Король сейчас трясся в седле, его лицо было серым от усталости и той пустоты, что поселилась у него в груди. Алекс чувствовал это на вкус — вкус пепла и морозного железа. Он видел, как Алдрик отдает приказы капитану Гарету, как его голос звучит ровно и властно, но под этой бро-

ней скрывается вопль. Король думал, что купил возвращение жены. Наивный. Алекс никогда не возвращал мертвых. Он лишь переписывал момент их ухода, создавая дубликат, куклу, в которую мироздание отказалось вдыхать истинную жизнь.

Маг провел рукой сквозь светящуюся паутину. Нити прошли сквозь его пальцы, не оставив следа, но оставив ощущение — покалывание чужих судеб на коже.

Он знал, что гонец уже в пути.

В судьбе королевского вестового, молодого рыцаря по имени Итан, нить была почти черной. Она вибрировала так сильно, что грозила лопнуть. Алекс видел разветвление. Если Итан вернется в столицу с пустыми руками, если он скажет «старик со светящимися глазами посмеялся мне в лицо», на первом же привале его горло перережут люди графа. Де Моро не терпит неудачников, принесших дурные вести. Смерть будет быстрой, но унижительной.

Если же Итан уговорит Алекса поехать, его нить станет золотой, но короткой. Он погибнет в грядущей резне у Восточных ворот, пронзенный тремя арбалетными болтами, защищая спину короля. Смерть будет героической.

В обоих вариантах Итан был мертв. Разнилась лишь декорация и степень мучительности.

Алекс вздохнул. Голубое свечение его глаз на мгновение вспыхнуло ярче, осветив сырые стены пещеры. Ему было скучно. Смертельно, вселенски скучно. Триста лет на краю

света, где единственными собеседниками были ветер и камни, научили его ценить даже чужую агонию.

Скрежет когтей по камню и тяжелое, сбитое дыхание раздалось у входа в каверну.

Гонец ввалился внутрь, едва не рухнув на колени. Он был закован в сталь с головы до ног, но доспехи не спасали от пронизывающего холода пещеры. По забралу его шлема тек конденсат дыхания, мгновенно замерзая ледяной коркой. — Ваше магичество! — прохрипел Итан, срывая шлем. Его лицо было белым, обмороженным. — Я... я от Его Величества короля Алдрика! У меня указ! Золотая печать!

Он трясущимися руками развернул пергамент. Тяжелый сургуч блеснул в тусклом голубом свете глаз Алекса.

Маг даже не шелохнулся. Он продолжал сидеть на камне, глядя сквозь рыцаря на паутину. — Положи на пол, — ровным голосом сказал Алекс. — Иними перчатки. Металл здесь ворует тепло у камня, а камень этого не любит. Он может забрать его вместе с пальцами.

Итан вздрогнул, словно его ударили. Он послушно разжал заочевенные пальцы. Свиток упал на пол с тихим шорохом. Рыцарь стянул перчатки из дубленой кожи, его руки были синими. — Король... он сказал, что вы... что вы можете спасти ее. Королеву. Он сказал, что цена не имеет значения.

— Король всегда так говорит, — Алекс наконец поднялся. Его движения были плавными, текучими, лишенными человеческой резкости. Казалось, он не идет по полу, а перетека-

ет из одной точки пространства в другую. — «Цена не имеет значения» — это самая дорогая фраза в мире. Обычно ее произносят те, кто собирается платить чужой кровью.

Он подошел к свитку. Наклонился. Его пальцы, длинные и бледные, зависли в дюйме над сургучом. — Не трогай, — бросил он Итану, который дернулся было поднять пергамент. — Печать обжигает. В ней слишком много отчаяния. Оно токсично.

Алекс закрыл глаза. Его собственное голубое свечение померкло, зато паутина нитей вокруг него вспыхнула ослепительным пожаром. Он погрузил свое сознание не в пергамент, а в самую суть королевского приказа.

Он увидел Алдрика в тронном зале неделю назад. Увидел его отчаяние. Увидел советника Этьена — хитрую, многовекторную нить, которая плела заговор одновременно во все стороны, готовясь предать и короля, и графа, и самого Алекса, если это потребуется для выживания системы.

Затем он заглянул чуть дальше. За горизонт настоящего.

Он увидел возвращение. Увидел Алдрика, въезжающего в столицу во главе Серебряной гвардии. Увидел, как народ, еще вчера готовый растерзать короля за бездействие, падает на колени, потому что на крупе его коня сидит *она*. Живая. Улыбающаяся.

Алекс видел праздник. Видел, как Этьен организует торжества с безупречной эффективностью. Видел, как граф де Моро скрипит зубами, но склоняет голову, признавая силу

чуда.

А затем он увидел то, ради чего Этьен и затевал эту игру.

Король изменился. Алдрик Мудрый исчез. На троне сидел человек с пустыми глазами, который безупречно управлял государством, подписывал указы, вел войны, но внутри которого выгорела дотла та самая искра, что заставляет человека любить, ненавидеть, сомневаться и творить. Он стал идеальным механизмом. И механизмом этим управлял не он.

Этьен. Нить советника теперь была привязана к каждому решению короля невидимыми, но прочными поводками. Там, где раньше Алдрик спорил, теперь он просто кивал. Там, где он проявлял милосердие по велению сердца, теперь он проявлял его по расчету Этьена, который убедил «пустого» короля, что милосердие — выгодная долгосрочная инвестиция.

Алекс видел, как Аделия-кукла правит двором. Она была совершенна. Ее улыбка никогда не дрожала, ее суждения всегда были справедливы, ее любовь к сыну была математически выверена. Но Эдмунд... бедный мальчик Эдмунд. Он сходил с ума. Он чувствовал, что спит в одной комнате с матерью, но это не его мать. Он пытался поймать ее взгляд, но его там не было. Девятилетний ребенок, запертый в золотой клетке с идеальными призраками. Его нить истончалась, дрожа на грани разрыва. Самоубийство в возрасте двадцати лет. Красивая, тихая смерть от сонного зелья.

— Ты принес мне не спасение, — тихо произнес Алекс,

открывая глаза. Голубой свет снова затопил пещеру. — Ты принес мне самую грязную работу в этом столетии.

— Вы... вы отказываете королю? — прошептал Итан. В его голосе было больше страха, чем почтения. — Если вы откажете, он... — Если я откажу, ты умрешь в канаве с перерезанным горлом, — перебил его Алекс. — А твой король поедет искать других дураков в Черных топях, где его сожрут твари, у которых нет нитей судьбы, потому что они сами — хаос. Я не отказываю, мальчик. Я просто констатирую факт: вы все уже мертвы. Вопрос лишь в том, насколько болезненным будет вскрытие.

Итан побледнел еще сильнее, хотя это казалось невозможным. — Так вы... вы едете?

Алекс посмотрел на рыцаря. На его черную, вибрирующую нить. — Сядь, — приказал маг.

Итан, не смея послушаться, опустился прямо на холодный, мокрый камень, пачкая парадные штаны. — Сними кольцо, — продолжил Алекс. — Она сковывает ток крови. Ты замерзаешь не от холода пещеры. Ты замерзаешь от страха. Страх кристаллизует воду в твоих венах.

Рыцарь механически начал расстегивать ремни. Его пальцы не слушались. Алекс подошел к нему и положил ладонь ему на лоб. Кожа Итана была ледяной.

— Смотри, — сказал маг.

Он не колдовал. Он просто убрал барьеры в разуме рыцаря. Итан дернулся, хватая ртом воздух, которого вдруг ста-

ло мало. Перед глазами молодого человека замелькали картины.

Он увидел себя. Вот он возвращается в столицу. Вот темный переулок. Вот блеск кинжала. Кровь, хлынувшая в горло. Картинка сменилась. Вот он у Восточных ворот. Свист болтов. Удар. Тепло, уходящее из тела в грязь брусчатки. Лицо короля, который смотрит на него без всякого выражения, лишь отдавая приказ оттащить тело с дороги, чтобы не мешало проходу кавалерии.

— Выбор за тобой, Итан, — голос Алекса звучал теперь прямо в голове рыцаря. — Какую смерть ты предпочитаешь? Быструю и подлую или медленную и славную? Выбирай. Я не стану менять твою судьбу, ты мне не интересен. Но мне нужно знать, какую версию твоего крика услышат вороны.

Итан затрясся. Слезы, горячие и соленые, потекли по его обмороженным щекам, оставляя светлые дорожки. — Я... я хочу жить, — выдохнул он. — Ваше магичество, клянусь, я... — Это не вариант, — мягко прервал его Алекс. — Жизни для тебя в этом уравнении нет. Математика мироздания беспощадна. Ты — разменная монета. Такова цена входа. Выбирай, пока я не передумал и не оставил тебя здесь, чтобы ты просто уснул и превратился в ледяную статую. Это была бы третья смерть. Самая долгая.

Рыцарь всхлипнул. Его бравада, его рыцарские клятвы, его герб — все это осыпалось прахом перед лицом абсолютного знания. — Пусть... пусть будет у ворот, — прошептал

он. — Если я все равно должен... пусть я умру за короля. Это правильно. Так хотя бы отец не будет стыдиться меня в чертогах предков.

— Хороший выбор, — кивнул Алекс. — Чистый.

Он убрал руку со лба Итана. Рыцарь обмяк, тяжело дыша, но дрожь прекратилась. Страх ушел, оставив после себя лишь звенящую пустоту обреченности. Итан теперь знал свой конец, и это знание, как ни странно, принесло ему покой.

Алекс вернулся к своей паутине. Он нашел нить Итана. Она все еще была черной, но теперь вибрировала ровно. Рыцарь принял свою судьбу. Маг коснулся нити. Это было легкое, почти ласковое движение. Он не завязывал узел. Он просто... смазал его. Сдвинул вероятность на долю градуса. Теперь Итан умрет не от трех болтов, а от одного — точного удара в сердце, который прервет его жизнь прежде, чем он успеет почувствовать боль.

Плата за это вмешательство была ничтожной — легкое похолодание в левой ладони на ближайшие сутки. Алекс даже не заметил этого.

— Встань, — сказал он.

Итан поднялся. Его глаза были сухими, а взгляд — ясным и мертвым. — Я готов, ваше магичество.

— Ты не готов, — Алекс прошел мимо него к выходу из каверны. — Но у тебя нет времени на подготовку.

Он вышел на карниз маяка. Ветер ударил в него с силой

тарана, пытаясь сбросить со скалы. Плащ мага, простой, из некрашеной шерсти, даже не шелохнулся. Алекс поднял руку, и ветер разбился о невидимый щит, завывая в стороны.

— Нам предстоит долгий путь, — бросил он через плечо. — До столицы месяц. У тебя есть конь? — Он внизу, у подножия... если волки не добрались... — Волки не добрались, — Алекс посмотрел на север. — Они обходят эту гору за милю. Они чувствуют, что здесь воздух хрустит от натяжения времени.

Маг щелкнул пальцами. Это не был громкий звук. Просто сухой щелчок суставов. Но от этого звука пространство перед маяком дрогнуло.

Внизу, на узкой, занесенной снегом площадке, где Итан оставил своего пегого мерина, начало происходить нечто невозможное. Снег не таял. Он уплотнялся, скручивался в спирали, обретая плотность кости и гибкость сухожилий. Мерин Итана, живой и невредимый, поднялся на ноги, хотя час назад его растерзанное волками тело должно было лежать в распадке. Но это был не тот же конь. Его глаза горели тем же голубым огнем, что и глаза Алекса. Его дыхание вырывалось облачками пара, пахнущими озоном и пылью древних звезд.

— Он довезет тебя до первого человеческого жилья, — сказал Алекс. — Там пересядешь на обычную лошадь. Этого я забирать с собой не стану, люди слишком суеверны.

Итан смотрел на коня, не в силах произнести ни слова. —

Но... как же мы доберемся за месяц? — выдавил он. — До перевалов уже лежит снег. Перевалы закроются через неделю.

Алекс повернулся. Его лицо в голубом свете казалось высеченным из мрамора. — Мы не пойдем через перевалы, — сказал он. — И мы не будем спать.

Он шагнул прямо к краю пропасти. — Иди за мной, Итан. И ради всех богов, которых ты помнишь, не смотри вниз. Если твой желудок решит вывернуться наизнанку на высоте в тысячу футов, это будет крайне неэстетично.

Рыцарь, подчиняясь силе, которая была древнее его ордена, шагнул к магу.

Алекс прыгнул.

Для обычного человека это был бы последний полет. Но ноги мага коснулись воздуха так же уверенно, как коснулись бы ступеней. Он не падал. Он спускался, медленно, словно воздух для него обладал плотностью туго натянутого батутного полотна.

Итан зажмурился, перекрестился и шагнул в пустоту.

Удара не последовало. Он не упал. Он просто стал очень, очень легким. Открыв глаза, он увидел, что стоит на невидимой платформе в десяти шагах от Алекса, а под ними бушует Оскаленное море, разбиваясь о скалы.

— Я не люблю ходить пешком, — пояснил Алекс, начиная идти по воздуху на север, в сторону далеких, скрытых туманом равнин. — Это отнимает слишком много времени,

а время — единственный ресурс, который я пока не научился воровать у вечности без последствий. Иди рядом. И держись в шаге от меня. Если отстанешь, барон Этьен получит своего пустого короля гораздо раньше, чем рассчитывает, а я терпеть не могу неоконченные партии.

Путь до столицы занял три дня.

Они не останавливались. Алекс шел сквозь пространство, используя складки реальности, которые никто, кроме него, не видел. Для Итана это выглядело как бесконечный, изматывающий марш, во время которого пейзаж вокруг менялся рывками. Вот они на скалах Мертвого моря, а в следующий миг — уже в гнилых низинах Трясинной пади, где деревья плачут черной смолой. Еще шаг — и они на продуваемом всеми ветрами плато, где камни покрыты инеем, который не тает даже под полуденным солнцем.

Алекс не говорил почти ничего. Он шел, глядя прямо перед собой, и его глаза непрерывно меняли интенсивность свечения. Иногда они гасли до едва заметной искры — когда он просматривал варианты прошлого. Иногда вспыхивали нестерпимо ярко, цвета летнего полудня — когда он касался нитей будущего.

На второй день Итан не выдержал. — Почему вы согласились? — спросил он, с трудом переставляя ноги. Его доспехи покрылись коркой грязи трех климатических зон. — Король... он чудовище, ваше магичество. Я служил ему де-

сять лет. Я видел, как он подписывал указы о казни детей за кражу яблока. Я видел, как он смотрел на пытки пленных. Его «мудрость» — это лишь холодный расчет. Зачем спасать такого человека?

Алекс остановился. Они стояли посреди цветущего луга, хотя по всем законам природы сейчас должна была быть глубокая осень. Пчелы, сошедшие с ума от этого нарушения сезонов, вились вокруг шлема Итана.

— Я согласился не ради него, — сказал маг, не глядя на рыцаря. Он смотрел на пчелу, ползущую по его собственному рукаву. — И не ради королевы. То, что он получит внизу, в столице — это не спасение. Это саркофаг из живой плоти.

— Тогда зачем? — прохрипел Итан.

— Потому что Этьен, — Алекс поднял взгляд. Его голубые глаза потемнели, став почти фиолетовыми. — Барон Этьен де Кро. Его нить... она самая интересная из всех, что я видел за последние двести лет. Он не просто интриган. Он — узел. Если позволить ему затянуть петлю на шее королевства сейчас, нить пойдет дальше, и через сорок лет на месте этого цветущего луга будет Мертвый каньон, выжженный войной, которую начнет правнук де Моро. Этьен должен получить то, что хочет. Он должен стать регентом при пустом короле. Он должен почувствовать вкус абсолютной власти. Он должен поверить, что обыграл саму судьбу.

Алекс наклонился к пчеле и осторожно сдул ее с рукава. — А когда он расслабится... когда он решит, что он и есть

паук в центре паутины... вот тогда я дерну за нить. И он полетит вниз так быстро, что его крик обгонит его падение. Мне скучно, Итан. А скука для того, кто видит все варианты, — это начало безумия. Вы все — мои фигуры. Король, королева, советник, даже ты. Вы просто недостаточно умны, чтобы понять, что игра началась не с вашего рождения.

Итан молчал, пытаясь осознать масштаб этого цинизма. Он смотрел на мага, который только что прошел по воздуху сотни миль, и понимал, что перед ним не человек. Перед ним была стихия. Разумная, скучающая и невероятно жестокая в своем равнодушии.

— Вы... вы убьете короля? — спросил рыцарь. — О нет, — Алекс позволил себе тень улыбки. — Убить Алдрика было бы милосердием. Я оставлю его жить. Вечно. С его идеальной женой и его идеальным горем, которое он больше не способен чувствовать. Разве это не самая изысканная месть за то, что он посмел оторвать меня от моих камней? Он хотел вернуть любовь. Он получит куклу, которую будет бояться по ночам.

На утро третьего дня они вышли к тракту. Алекс остановился на опушке леса. — Дальше я не пойду, — сказал он. — Чем ближе я подхожу к местам, где нити судеб плетутся людьми, тем сильнее у меня болит голова. Ваша вонь, ваша суэта, ваши бесконечные «а что, если»... это как скрежет железа по стеклу.

— Но столица еще в двух днях пути! — возмутился Итан.

— На нас нападут дезертиры! На мне королевский указ, но без вас...

— Никто на тебя не нападет, — отрезал Алекс. — Сними плащ.

Итан подчинился. Алекс протянул руку и коснулся фибулы — серебряной застёжки с гербом королевской гвардии. — Ты не везешь указ, — сказал маг. — Ты везешь пустой пергамент. Ты не гонец. Ты — сумасшедший дезертир, который украл коня и доспехи. Иди в ближайший кабаk, напейся до беспамятства и позволь городской страже забрать тебя в тюрьму. Там безопасно. Война и мародеры не достанут тебя за решеткой. Твоя смерть у ворот будет чистой, как ты и просил.

Рыцарь посмотрел на свои руки. На перстень на пальце. На рукоять меча. — А если я откажусь? Если я поеду к королю?

Алекс шагнул вплотную к нему. Голубое свечение его глаз стало невыносимым, заставив Итана зажмуриться. — Я видел нить твоего отказа, — тихо сказал маг. — Она заканчивается в сточной канаве. Тебя найдут через неделю, объединенного крысами. Твой отец в чертогах предков будет не просто стыдиться — он будет тебя искать, чтобы плюнуть в твою пустую глазницу. Выбирай. Сейчас.

Итан сглотнул. — Я... я понял, ваше магичество.

— Хороший мальчик, — кивнул Алекс. — Передай Этьену, когда увидишь его... хотя нет. Ты его не увидишь. Тебя

бросят в темницу до окончания бунта. Но если вдруг... скажи ему, что я помню вкус его детских слез, когда он разбил колено. Ему это не понравится.

Алекс развернулся и, не прощаясь, шагнул обратно в чащу леса. Он не растворился в воздухе с громом и молниями. Он просто сделал шаг, и деревья сомкнулись за ним, поглотив его голубое свечение, как вода поглощает каплю чернил.

Итан остался один. Он посмотрел на пустой тракт. На свои руки. Он чувствовал себя так, словно его вывернули наизнанку, вытряхнули все содержимое и кое-как запихнули обратно.

Он сел на землю, прямо в дорожную пыль, и впервые за три дня позволил себе заплакать. Он плакал не от страха смерти. Он плакал от понимания, что только что шел бок о бок с Богом, и Богу было на него глубоко наплевать.

Алекс вернулся в пещеру на Перевале Мертвых Ветров спустя мгновение после ухода. Для него время в пути Итана просто не существовало.

Он опустился на свой камень. Свечение его глаз пульсировало медленно, в такт далекому прибою. Он потянулся сознанием на юг. К столице.

Паутина там была в ужасающем состоянии. Узлы, которые он видел раньше, теперь затягивались с катастрофической скоростью.

Вот Алдрик. Его нить вошла в столицу. Алекс видел пло-

щадь перед дворцом. Видел толпу. Люди, еще вчера готовые рвать короля на части, теперь стояли на коленях. Они рыдали, тянули руки к стремени, целовали грязь, из которой только что выросло чудо.

Аделия-кукла сидела в седле с прямой спиной. На ее лице играла легкая, отстраненная улыбка. Она помахала толпе рукой. Жест был безупречен. Ни один мускул не дрогнул.

Нить Алдрика рядом с ней была... странной. Она стала толще, приобрела стальной отблеск. Но она больше не вибрировала. Совсем. Она гудела. Ровно, монотонно, как струна гигантского контрабаса. В ней не было жизни. В ней была функция.

А вот Этьен. Нить советника металась вокруг нити короля, как змея вокруг жертвы. Алекс видел его в окне ратуши. Этьен смотрел на ликующую толпу, и на его тонких губах играла улыбка. Но это была не радость. Это было удовлетворение ремесленника, только что завершившего сложнейший механизм.

Алекс видел дальше. Он видел, как Этьен шепчет что-то на ухо королю перед Советом Лордов. Король кивает. Лорды, еще вчера спорившие о налогах, единогласно голосуют за передачу чрезвычайных полномочий Совету во главе с Этьеном.

Маг видел, как Аделия сидит у постели сына. Эдмунд болен — обычная простуда, но мальчик заходится в истерике, потому что мать не вытирает его лоб так, как это делала на-

стоящая Аделия. Кукла лишь методично, раз за разом, проводит по его лицу холодным шелковым платком, следуя заложенной в нее программе «идеальный уход». Ребенок кричит: «Ты не моя мама!». Нить Эдмунда в этот момент опасно утончается, почти до разрыва.

Алекс смотрел на все это, и на его лице не дрогнул ни один мускул. — Играй, — прошептал он в темноту пещеры. — Играй в свои цифры, барон. Строй свой идеальный мир из мертвецов.

Он знал, что Этьен чувствует его присутствие. Не видит, не слышит, но ощущает на затылке холодный сквозняк. Советник слишком умен, чтобы не заметить, как изменилась плотность воздуха в столице после приезда короля. Он знает, что Алекс где-то рядом. Он будет оглядываться. Он будет бояться собственной тени.

Это было правильно. Страх делает людей предсказуемыми. А предсказуемость — это то, что нужно магу, чтобы плести свои узоры.

Внезапно Алекс нахмурился. Его взгляд, блуждающий по паутине будущего, споткнулся.

Там, где нить Эдмунда должна была истончиться и оборваться в двадцать лет, появился новый импульс. Крошечная, почти невидимая золотая искра. Она возникла из ниоткуда.

Алекс подался вперед, впиваясь взглядом в этот участок полотна. Он начал расплетать слои вероятностей, погружа-

ясь все глубже и глубже.

Искра росла. Она была связана с Эдмундом, но исходила не от него. Она была внешней.

Маг прошел по ней, как по следу. Сквозь годы. Сквозь дворцовые интриги. Сквозь падение дома де Моро. Сквозь чуму, которая должна была выкосить портовые районы через пять лет.

Искра привела его в трущобы. В грязную, пропахшую рыбьей и дешевым вином таверну, которая возникнет на месте сгоревшего склада.

За столом сидел человек. Лицо его было скрыто в тени, но Алекс видел не лицо. Он видел нить. Это была нить невероятной, чудовищной силы. Она была черной, как первородная пустота, но прошита золотыми прожилками чистого, незамутненного света. Человек в видении поднял кружку, и когда свет упал на его руку, Алекс увидел перстень.

Перстень с черным ониксом, в котором, казалось, вращалась сама галактика.

Алекс отпрянул от паутины, хватая ртом воздух. Он резко встал. Камень под ним треснул от внезапного выброса энергии. Голубое свечение его глаз вспыхнуло, залив пещеру мертвенным светом, от которого тени съежились и попытались забиться в щели.

— Вот оно что, — выдохнул маг.

Он смотрел в пустоту перед собой, но видел ту таверну, которая будет построена лишь через пять лет. Вся эта исто-

рия с королем, с Аделией, с пустым тронem... все это было лишь прелюдией. Этьен был лишь амбициозным клерком, возомнившим себя демиургом. Алдрик — сломанной игрушкой.

Настоящая игра только начиналась. Нить этого человека в таверне не просто вибрировала. Она *пела*. Она резонировала с самой тканью мироздания. И она была направлена прямо на Эдмунда.

Алекс подошел к стене пещеры и провел по ней рукой. Камень осыпался песком, обнажая гладкую, зеркальную поверхность, похожую на застывшую ртуть. Это было не зеркало для лиц. Это было зеркало для времени.

Он положил ладонь на поверхность. — Покажи мне его имя, — приказал он.

Поверхность пошла рябью. Алекс смотрел в будущее, в грязную таверну, на человека с перстнем. Человек поднял голову. На мгновение свет упал на его лицо.

У него были глаза Алекса. Такие же светящиеся, но не голубые, а цвета расплавленного серебра.

И в этот момент маг понял. Он не просто увидел будущее. Он увидел своего преемника. Или своего палача. Ту силу, которая придет на смену тем, кто видит нити, когда полотно окончательно износится.

— Кто ты? — прошептал Алекс зеркалу.

Зеркало молчало, но в тишине пещеры маг слышал отголосок смеха. Знакомого смеха. Он звучал в точности как

его собственный.

Алекс убрал руку. Ртутная гладь снова стала черным камнем.

Он посмотрел на свои ладони. Впервые за триста лет ему стало по-настоящему страшно. Игра с королем была понятной. Это была шахматная партия. Но появление этой новой нити... это было похоже на то, как если бы во время игры одна из пешек вдруг достала из-под стола заряженный пистолет.

— Что ж, — медленно произнес Алекс, обращаясь к темноте. — Похоже, мне придется задержаться в этом времени чуть дольше, чем я планировал.

Он снова опустился на камень. Но теперь он не расслабился. Он сплел пальцы в замок, и голубое свечение его глаз стало острым и внимательным, как лезвие скальпеля.

Он начал плести новую сеть. На этот раз его целью был не Этьен. Его целью был человек, который еще даже не родился в этом потоке времени, но чья тень уже накрыла столицу.

И первой фигурой, которую Алекс решил пожертвовать в этой новой, страшной партии, был король Алдрик. Вернее, та пустая, безупречная оболочка, что осталась от него.

Глава 3. Просьба короля

Столица встретила Алекса запахом гари, пота и дешевого вина.

Маг миновал Восточные ворота на закате третьего дня. Стража, изможденная и напуганная недавним бунтом, едва взглянула на одинокого путника в сером дорожном плаще. Лицо Алекса скрывал глубокий капюшон, но даже под плотной тканью ткань реальности вокруг него казалась натянутой слишком туго. Стражники чувствовали это на уровне инстинктов: от этого человека веяло холодом горной вершины, и они инстинктивно прижимались к стенам, пропуская его, словно чумного.

Алекс не пошел в порт, где его ждали лодки, и не свернул к купеческим рядам. Он двинулся прямо к сердцу города — Дворцовому холму.

Замок изменился. Исчезла привычная суeta челяди, спешащей с корзинами белья или дров. Вместо нее по брусчатке внутреннего двора маршировали патрули наемников в цветах Серебряной гвардии. Их лица были серыми от недосыпа, а руки постоянно лежали на эфесах. На стенах вместо привычных штандартов с золотыми львами висели черные полотнища траура, которые забыли снять. Они хлопали на ветру, как крылья умирающих птиц.

Алекс остановился посреди двора, прямо под взглядом

арбалетчиков на парапете. Он не произнес ни слова. Он просто стоял, и голубое свечение его глаз начало просачиваться сквозь ткань капюшона, окрашивая вечерние сумерки в цвет зимнего льда.

Нити судеб стражников вспыхнули перед его внутренним взором. Он видел их страх перед де Моро, их преданность капитану Гарету, их ужас перед самим Алексом, слухи о котором просочились в казармы вместе с выжившим гонцом. Он видел, как дрожит палец одного из арбалетчиков на спусковой скобе.

Маг сделал едва заметное движение кистью. Арбалетчик вдруг побледнел, его глаза закатились, и он мешком осел на каменные плиты. Его тяжелый арбалет с грохотом упал на брусчатку. Соседи отшатнулись, крестясь. — Падучая, — бросил один из них, пиная бесчувственное тело носком сапога. — Опять. Унесите его в казарму.

Путь был свободен.

Алекс прошел через парадные двери, которые обычно охранялись десятком латников. Сейчас там стоял лишь один офицер. При виде мага он вытянулся по струнке, хотя по уставу должен был потребовать пропуск. — Король в Северной башне, ваше... сиятельство? — неуверенно спросил офицер, щурясь на голубое сияние. — Барон Этьен приказал докладывать о любых... — Я не «любое», — оборвал его Алекс, проходя мимо. — Я единственное.

Лестницы Северной башни были узкими и винтовыми.

Алекс поднимался в полной тишине, считая шаги. Тридцать семь. Ровно столько, сколько было в его воспоминаниях. Камень не меняется. Меняются лишь те, кто по нему ходит.

Он толкнул тяжелую дубовую дверь, не постучав.

Алдрик стоял у окна. Он не обернулся. На нем был тот самый черный камзол, в котором он хоронил жену, только теперь ткань висела на нем мешком. Король похудел так, что казался собственной тенью. Его плечи ссутулились, а волосы, некогда густые и темные, стали сплошь седыми, словно за этот месяц он постарел на двадцать лет.

— Ты опоздал на три дня, — голос Алдрика был лишен всякого выражения. Он звучал как треск пересохшего дерева. — Время — понятие относительное, — ответил Алекс. Он прошел в центр комнаты и сбросил капюшон.

Голубой свет его глаз залил полумрак башни. Он был тусклее, чем на болотах, приглушенный плотным человеческим полем столицы, но все равно резал глаза.

Алдрик вздрогнул. Он медленно, очень медленно повернулся. Его лицо было маской. Идеально вылепленной маской скорби. Но Алекс смотрел не на лицо. Он смотрел на нить короля.

Она была чудовищна. Стальной, неестественно прямой стержень, который тянулся от пола до потолка. На нем не было ни единого узелка сомнений, ни одной петли колебаний. Там, где раньше была сложная, спутанная вязь человеческих страстей, теперь была гладкая, мертвая арматура.

Но рядом с ней... рядом с ней пульсировала другая нить. Золотая, теплая, живая. Она была привязана к стальной арматуре Алдрика, как пленный зверь к столбу. Нить Аделии.

Алекс подошел ближе. Он видел стык. Место, где магия сплела их воедино. Это была грубая, варварская работа. Узлы были перетянуты так сильно, что золотая нить начала истираться, теряя ворсинки-вероятности. Еще год, и она просто лопнет, оставив после себя пустоту, которая поглотит разум короля окончательно.

— Она... она идеальна, — глухо произнес Алдрик, делая шаг навстречу. В его глазах плескалось безумие, смешанное с благоговением. — Она ни разу не повысила голос. Она помнит день рождения каждой фрейлины. Она... Алекс, она улыбается мне так, как улыбалась в день нашей свадьбы. Но когда я пытаюсь ее обнять... когда я засыпаю рядом с ней... я просыпаюсь от собственного крика. Потому что это не сон. Я знаю, что это не сон. Я продал тебе свою память, старик. Я не помню, как выглядит ее родинка на плече. Я не помню, как она смеется, когда щекотно. Но я помню, что *должен* это помнить. И эта дыра... она больше, чем весь мир.

— Ты не продал мне память, Алдрик, — Алекс медленно обошел короля по кругу, изучая его, как мясник изучает тушу. — Ты обменял свою человечность на функциональность. Ты получил идеальную королеву для идеального короля. Этьен, должно быть, в восторге. У него теперь самая послушная марионетка в истории.

Упоминание советника заставило Алдрика дернуться. Стальная нить короля издала низкий, неприятный гул. — Этьен делает то, что должен. Он удерживает страну от распада. Пока я... не в себе.

— Ты не «не в себе», — Алекс остановился прямо перед ним. — Ты — пустота в короне. И эта пустота сейчас сотрет жизнь из твоей жены. Видишь? — маг указал на золотую нить. — Она рвется. Кукла не может долго существовать без души создателя. А твоя душа гниет в той грязи, которую я зачерпнул на болотах.

Алдрик схватил Алекса за плечи. Его пальцы, несмотря на видимую слабость, были стальными клещами. — Исправь это! — прохрипел он. — Ты же видишь! Ты видишь, что я натворил! Верни мне меня. Верни мне *ее*. Настоящую. Я знаю, что ты можешь переписывать прошлое! Я читал Кодекс! Я отдам тебе...

— Что? — Алекс склонил голову набок. — Что ты можешь мне отдать, чего у меня еще нет? Твои воспоминания о грязи превратились в ил. Твоя корона — это кусок железа. Твоя жизнь не стоит и ломаного гроша.

— Мою душу! — выкрикнул Алдрик. — Забери *ее*! Всю! Оставь меня пустым, но сделай *ее* настоящей. Пусть она живет. Пусть Эдмунд растет с матерью. Я стану твоим рабом. Твоим мечом. Я буду убивать по твоему слову, пока не рассыплюсь в прах!

Алекс смотрел в глаза короля. И впервые за долгие годы

в его собственном взгляде промелькнуло нечто похожее на жалость. — Твоя душа не нужна мне, король. Она прогоркла. Ты убивал детей в своих западных походах, Алдрик. Не врагов. Детей тех лордов, что отказывались присягать. Ты сжигал деревни, чтобы «очистить землю для новых поселенцев», которых потом обирал до нитки. Ты строил свое Мудрое королевство на костях, а когда Аделия узнала об этом, ты просто... перестал пускать ее в архивы. Ты не лучше де Моро. Ты просто умнее и лучше умеешь улыбаться.

Алдрик отпустил плечи мага. Он отшатнулся, словно его ударили. Его стальная нить зазвенела от напряжения. — Откуда... откуда ты... — Я вижу все нити, — тихо сказал Алекс. — Даже те, которые ты срезал и сжег. Твоя тайна не в том, что ты жесток. А в том, что ты боишься. Ты боишься, что она узнает. Настоящая Аделия никогда бы не полюбила палача. Поэтому ты и создал эту куклу. Чтобы она любила того, кем ты *притворялся*.

Король упал на колени. Звук удара его колен о камень показался в тишине башни пушечным выстрелом. — Пожалуйста, — прошептал он, и это было первое живое слово, которое Алекс услышал от него за весь разговор. В этом шепоте не было королевского достоинства. В нем была агония. — Я знаю, кто я. Я монстр. Но она... она была светом. Позволь ей гореть. Я прошу не за себя. Я прошу за нее. Если ты уйдешь и оставишь все как есть, она исчезнет. Кукла рассыплется, и я сойду с ума окончательно. Спаси ее. Я не прошу вернуть

мне память. Я прошу вернуть ей жизнь. Клянусь, я не прикоснусь к ней больше. Я буду смотреть на нее из тени, лишь бы она дышала.

Алекс молчал. Он смотрел на коленопреклоненного короля. В этот момент Алдрик не был тираном. Он был просто отцом и мужем, столкнувшимся с концом света. Его горе было настоящим. Искренним. И оно воняло не меньше, чем его жестокость.

Маг закрыл глаза. Он снова потянулся к паутине. Но теперь он смотрел не на короля. Он смотрел на Эдмунда.

Нить принца была в ужасном состоянии. Она истончилась до состояния паутинки. Ребенок балансировал на грани. Алекс видел варианты: падение из окна библиотеки через три года. Нож, спрятанный под подушкой, к которому он потянется в девять. Сонный отвар, который он выпьет в пятнадцать, чтобы «уснуть и больше не видеть снов о матери».

Но дальше... дальше, за пеленой безумия Эдмунда, Алекс снова увидел ту самую искру. Человека из таверны. И эта искра была единственным, что могло спасти нить принца от разрыва.

— Хорошо, — произнес Алекс.

Алдрик на полу замер, боясь дышать. — Что... что ты сказал? — Я сказал «хорошо», — Алекс открыл глаза. Голубое свечение стало почти нестерпимым. — Я сделаю ее настоящей. Но не так, как ты просишь.

— Как угодно! — Алдрик пополз к нему. — Только скажи

как!

— Ты хочешь, чтобы она жила? — Алекс присел на корточки перед королем, их лица оказались на одном уровне. — Она будет жить. Но ты ее больше не увидишь.

Алдрик непонимающе моргнул. — Ты отправишь ее в монастырь? — Я отправлю ее в могилу, — ровным голосом сказал Алекс. — Настоящую. Ту, из которой ты ее вытащил. Я вернусь в день ее смерти. Я перережу нить. Болезнь заберет ее. Она уйдет за Реку, как и положено.

— Нет! — взвыл Алдрик, пытаясь схватить мага за горло. — Ты лжешь! Ты обещал!

Алекс даже не шелохнулся. Его глаза вспыхнули, и руки короля прошли сквозь его шею, встретив пустоту. Алдрик рухнул на пол, рыдая. — Слушай меня, выродок, — голос Алекса стал тяжелым, как могильная плита. — Я не спасаю королей. Я спасаю равновесие. Твоя кукла — это опухоль на теле времени. Она гниет. Если я оставлю ее, она утянет за собой Эдмунда, а затем и всю вашу династию. Я не могу просто «отключить» магию, это разорвет ткань. Мне нужно провести ритуал замещения.

Он поднял руку, и в его ладони сгустился сгусток багрового пламени. — Я заберу твою боль, — продолжил маг. — Всю. До последней капли. Ту боль, что сделала тебя пустым, и ту боль, что ты прячешь в своих тайниках памяти. Всю кровь, которую ты пролил. Весь страх. Ты станешь абсолютным, кристально пустым. Живым мертвецом. Но ты будешь

править. Этьен получит свою марионетку, де Моро ломает зубы о твою новую, безупречную броню, а страна не рухнет в гражданскую войну.

— А Аделия? — прохрипел Алдрик из ковра. — А настоящая Аделия умрет завтра, — Алекс сжал ладонь, и багровый огонь погас. — В своей постели. Окруженная плакальщицами. Ты будешь стоять у ее гроба. И ты будешь рыдать. Ты будешь чувствовать каждую секунду этой потери, потому что я верну тебе твою память. Всю. Включая тех детей в западных деревнях. Ты вспомнишь запах горелой плоти. Ты вспомнишь вкус их страха. И ты проживешь с этим вечно. Это будет твоя плата. Не мне. Себе.

Алдрик поднял голову. По его лицу текли слезы, смешанные с соплями. — Я... я не выдержу, — простонал он. — Это хуже смерти. — Именно, — кивнул Алекс. — Это цена настоящей жизни. Ты хотел вернуть человечность? Получай. Полный комплект.

Король смотрел на мага снизу вверх. Его воля, его стальная нить, дала трещину. Впервые за месяц он выглядел не как механизм, а как человек, стоящий на краю крыши. — Эдмунд... — прошептал он. — Что будет с ним?

Алекс посмотрел поверх плеча короля, в темноту комнаты, где невидимая нить принца дрожала на ветру. — Эдмунда я забираю себе, — сказал маг. — Он не умрет от лихорадки или ножа. Он станет моим учеником. Я научу его видеть то, что видишь я. Он станет моим... преемником. Это един-

ственный способ спасти его нить. Рядом со мной она окрепнет.

— Ты превратишь моего сына в чудовище? — в голосе Алдрика прорезались остатки отцовского инстинкта. — Я превращу его в того, кто сможет выжить, когда такие, как Этьен, сожгут этот мир дотла, — отрезал Алекс. — Выбери, король. Прямо сейчас. Либо ты хоронишь жену по-настоящему и становишься пустым сосудом для трона, сохраняя страну и отдавая мне сына. Либо я ухожу. И через неделю твоя кукла рассыплется серой пылью, ты вырежешь себе глаза, чтобы не видеть ее идеального лица, и де Моро посадит твою голову на пику над воротами.

Тишина в башне стала густой. Слышно было, как воет ветер в бойницах и как далеко внизу, на площади, стража бьет в колотушку.

Алдрик закрыл глаза. — Я ненавижу тебя, — прошептал он. — Это хороший знак, — усмехнулся Алекс. — Ненависть — это тоже чувство. Значит, в твоей стальной трубе еще осталась пара искр.

— Что нужно делать? — Алдрик открыл глаза. В них больше не было безумия. Была лишь черная, выжженная земля.

— Ложись, — Алекс кивнул на каменную плиту в центре комнаты, которую использовали для алхимических опытов. — И сними корону. Железо будет мешать оттоку.

Алдрик, шатаясь, поднялся. Он подошел к трону, снял с

себя тяжелую корону и положил ее на бархатную подушку. Затем, не стесняясь своей наготы под тонкой рубашкой, лег на холодный камень.

Алекс встал над ним. — Закрой глаза, — приказал маг. — И не сопротивляйся. Если твой разум попытается построить стену, я просто снесу ее вместе с фундаментом. Будет больнее.

Алдрик кивнул и закрыл глаза. Его тело напряглось, готовясь к удару.

Алекс поднял руки. Его пальцы не светились — они, казалось, впитывали свет из комнаты, становясь черными силуэтами на фоне голубого сияния его глаз. — Я начинаю, — сказал он. — Спи, король. Проснется пустота.

Он опустил ладони. Не коснулся груди Алдрика, зависнув в дюйме над ней.

Воздух в комнате загустел. Голубое свечение Алекса вспыхнуло, как сверхновая.

Алдрик закричал.

Это не был крик боли от ожога или пореза. Это был звук рвущегося металла. Стальная нить короля, его «мудрость», его функциональность, его броня — все это начало плавиться.

Алекс погружал свое сознание в разум короля, как нож в масло. Он не читал мысли. Он выдирал их с корнем. Он нашел узел, где хранилась память о жестокости. О сожженных деревнях. О предательстве союзников. О холодном расчете,

с которым Алдрик посылал тысячи на смерть ради процветания казны. Алекс схватил этот узел и дернул.

Король выгнулся дугой на камне, его глаза распахнулись, но в них не было зрачков — только сплошное белое безумие. Воспоминания хлынули в него обратно. Не как картинки, а как расплавленный свинец.

Он снова стоял в горящем амбаре, чувствуя жар на лице. Снова слышал мольбы старосты. Снова подписывал приказ о казни двенадцатилетнего мальчишки, который бросил камень в его гвардейца.

Алекс не дал ему захлебнуться. Он тут же выдернул следующую порцию — светлую. Смех Аделии. Тепло ее кожи. Первый шаг Эдмунда. Все это превратилось в ком раскаленной добела боли и устремилось в грудь Алдрика.

Маг работал быстро и методично. Он очищал разум короля, снимая слой за слоем. Страх, похоть, гнев, радость, любовь, зависть. Он собирал их в сияющий, пульсирующий шар, который висел между его ладоней.

Тело Алдрика на камне билось в конвульсиях. Кровь пошла носом, заливая губы. — Почти... закончил... — прошептал Алекс, сам едва удерживаясь на ногах. Передача такого объема эмоциональной массы требовала колоссальных затрат энергии. Он чувствовал, как его собственные нити натягиваются до предела.

Он поднес сияющий шар к груди короля и с силой вогнал его внутрь, прямо в то место, где должно было быть сердце.

Крик Алдрика оборвался. Его тело обмякло, упав на камень с глухим стуком.

Алекс отступил на шаг, тяжело дыша. Его капюшон промок от пота, а голубое свечение глаз теперь пульсировало слабо, как у умирающего светлячка.

Он посмотрел на свою работу.

Алдрик лежал на камне. Он был жив. Его грудь медленно поднималась и опускалась. Маг коснулся нити короля. Она больше не была стальной. Она была тонкой, как волос, и абсолютно прозрачной. На ней не было ни единого узелка. Ни прошлого, ни будущего. Только ровное, тихое биение жизни.

Король стал пустым. Идеально, хирургически пустым сосудом.

— Вставай, — хрипло бросил Алекс.

Алдрик открыл глаза. Он сел. Движения его были плавными, но лишенными всякого изящества. Так двигается марионетка, которой только что подрезали половину нитей. Он посмотрел на свои руки. Посмотрел на Алекса. В его глазах не было узнавания. Не было страха. Не было ничего. Просто констатация факта: «В комнате есть я. В комнате есть он».

— Кто ты? — спросил Алдрик. Его голос был ровным, лишенным всякого тембра. — Твоя проблема, — ответил Алекс. — И твое спасение.

Он подошел к столу, налил в кубок воды из кувшина и выпил. Горло горело. — Твоя жена, — продолжил маг, утирая рот рукавом, — умрет завтра на рассвете. Лихорадка.

Быстрая. Ты будешь сидеть у ее постели. Ты будешь держать ее за руку. И ты будешь чувствовать, как мир рушится. Ты вспомнишь все, что я в тебя вбил. Попробуй поспать. Тебе понадобятся силы для завтрашних похорон. И для того, чтобы улыбаться Этьену, когда он придет проверять свою новую игрушку.

Алдрик (или то, что от него осталось) медленно кивнул. — Я понял, — сказал он.

В этот момент дверь башни распахнулась без стука.

На пороге стоял барон Этьен. Его лицо было бледным, но глаза горели лихорадочным огнем триумфа. За его спиной маячили тени гвардейцев. — Ваше Величество! — начал он, но осекся, увидев картину. Король лежит на алтаре, как туша на бойне. Алекс стоит над ним, похожий на ворона, испугавшегося в крови. — Что... что здесь произошло? Почему от вас несет магией такой силы, что у меня волосы встают дыбом?

Этьен шагнул внутрь. Его взгляд метнулся к пустому трону, затем к лежащему королю. — Вы... вы сделали это? — прошептал советник, обращаясь к Алексу. В его голосе впервые за долгие годы прозвучал не расчет, а чистый, животный ужас. — Вы... вы его выпотрошили?

— Я его починил, — спокойно сказал Алекс, проходя мимо советника к выходу. — Теперь он не будет плакать по ночам и мешать вам управлять страной. Можете быть довольны, барон. Вы получили идеального короля.

— Стой, — Этьен преградил ему путь. — У нас был уговор. Ты должен был вернуть ее. Где королева? Я хочу видеть ее. Я хочу убедиться, что печать снята.

Алекс посмотрел на советника сверху вниз. Голубое свечение в его глазах начало разгораться снова, набирая силу. — Печать не снята, Этьен. Она выжжена прямо на его сердце. Королева мертва. Иди и проверь. Ее покои в трауре.

— Ты лжешь! — советник схватился за кинжал на поясе. — Ты обманул короля! Ты забрал золото и...

— Я забрал нечто более ценное, — перебил его Алекс. — Я забрал его человечность. А теперь пропусти меня. У меня еще есть дела. Твой идеальный мир, барон, начнет трещать по швам уже через месяц. И когда это случится, ты пожалеешь, что вообще нашел мое имя в своих старых свитках.

Этьен смотрел на мага, потом на пустого короля, который безучастно смотрел в стену. Советник понял, что проиграл. Он не контролировал ситуацию. Он думал, что покупает инструмент, а привел в замок стихийное бедствие.

— Куда ты идешь? — выдавил Этьен. — Искать твою смерть, — улыбнулся Алекс. — И готовить трон для твоего настоящего наследника.

Он обошел застывшего советника и вышел в коридор.

Гвардейцы расступились перед ним, как колосья пшеницы перед серпом. Никто не посмел поднять на него оружие. Они чувствовали: этот человек не принадлежит их миру. Он просто зашел сюда на время, чтобы перевернуть шахматную

доску.

Алекс спустился по винтовой лестнице. Он вышел из башни в ночь. Дворец был тих. Но нити судеб в нем теперь переплетались совершенно иначе. Алекс видел, как черная нить Этьена начинает дрожать от паранойи. Как серая нить де Морро наливается багровым цветом готовящегося мятежа. Как золотая нить Аделии...

Он остановился посреди двора и посмотрел в небо, туда, где за стенами города, в королевской усыпальнице, завтра появится новый гроб. Золотая нить королевы была чистой. Она больше не была привязана к стальной арматуре мужа. Она уходила вертикально вверх, растворяясь в темноте. Она была свободна.

— Спи спокойно, — прошептал Алекс. — Ты заслужила покой. Жаль, что твой муж и твой сын — нет.

Он запахнул плащ. Его путь лежал не из замка. Его путь лежал в город. В трущобы. Туда, где в дешевой таверне, которая еще не была построена, сидел человек с перстнем-галактикой и ждал, пока нить судьбы приведет к нему маленького, напуганного принца с глазами, которые вот-вот начнут светиться голубым.

Алекс нашел его в «Ржавом якоре» через два часа.

Таверна воняла кислым пивом, блевотой и безнадежностью. Здесь собирались портовые грузчики, мелкие контрабандисты и те, кому не нашлось места даже на виселице —

им просто перерезали глотку в переулке.

Человек сидел в самом темном углу. Перед ним стояла кружка с водой. Он не пил. Он просто смотрел на свои руки.

Алекс подошел к его столу и сел на скамью напротив, даже не спрашивая разрешения. Никто в таверне не обратил на них внимания. Маг накинул на голову капюшон, приглушив свечение глаз, но аура абсолютной чужеродности, окружавшая его, заставляла людей инстинктивно отводить взгляд.

— Ты пришел быстро, — сказал человек, не поднимая глаз. Его голос был спокоен, но в нем звучала вековая усталость. — Я ждал тебя только через пять лет. Думал, успею допить хотя бы эту кружку.

— Время сегодня не в настроении, — ответил Алекс. — Оно решило ускориться. Меня зовут Алекс.

— Я знаю, — человек наконец поднял голову. — А меня пока никак. Я — ошибка. Сбой в расчетах.

У него действительно были глаза Алекса. Но если глаза мага были ледяными озерами, в которых отражалась вечность, то в глазах этого человека плескалась сама Бездна.

— Ты — не ошибка, — Алекс положил руки на стол. — Ты — сток. Канализация. Ты забираешь то, что мир больше не может выносить.

— Я забираю боль, — кивнул человек. — Я пришел сюда пять лет назад, когда понял, что начинаю сходить с ума. Видеть все варианты — это проклятие. Но чувствовать боль каждого живого существа в радиусе мили... это ад. Я нашел

это место. Здесь так много боли, что моя собственная растворяется в ней. Я пью ее, как вы пьете вино.

— Ты эмпат, вывернутый наизнанку, — Алекс внимательно изучал его нить. Она была черной, но черной, как обсидиан — поглощающей любой свет. — Ты не видишь нити. Ты чувствуешь их натяжение.

— Я чувствую, когда они рвутся, — человек усмехнулся, показав щербатый рот. — Я почувствовал, как только что, десять минут назад, ты разорвал душу короля. Это был звук, похожий на треск целого ледника. Я думал, оглохну.

— Ты нужен мне, — прямо сказал Алекс. — Точнее, нужен не ты. Нужен твой дар.

— Я не работаю на королей, — отрезал человек. — Я видел их нити. Они все гнилые. — Он больше не король, — Алекс покачал головой. — Он пустышка. Я выпотрошил его. Но у него остался сын. Эдмунд. Его нить... она на грани. Мальчик слишком чувствителен. Если он останется во дворце, Этьен сломает его через колено и сделает своим шпионом. Де Моро убьет его просто ради забавы. Я могу спрятать его, но это не спасет его разум. Он видит тени, как и я. Но у него нет моей дисциплины.

— И ты хочешь, чтобы я стал для него губкой? — догадался человек. — Чтобы я впитывал его кошмары? — Я хочу, чтобы ты стал его учителем, — поправил Алекс. — Я забираю принца из дворца. Прямо сейчас. Король даже не заметит пропажи, он будет слишком занят тем, что учится

плакать над остывшим телом жены. Мы уйдем на север. В горы. Я построю там убежище. Но я не могу быть с ним двадцать четыре часа в сутки. Мое присутствие... оно слишком тяжелое. Оно выжигает землю. А ты... ты можешь быть рядом. Ты научишь его не сойти с ума. Ты научишь его использовать свой дар, чтобы видеть, а не чтобы сходить с ума от чужой агонии.

Человек долго молчал. Он смотрел на свои руки, потом на кружку с водой. — Почему я? — спросил он. — В этом городе сотни магов.

— Потому что твоя нить не привязана к полотну, — Алекс подался вперед. — Ты — свободный агент. Если ты исчезнешь из столицы, Этьен этого даже не заметит в своих грессбухах. А если заметит, то решит, что ты просто сдох в канаве. Кроме того... — Алекс позволил себе тень улыбки. — Тебе тоже нужно убежище. Я чувствую, как ты гниешь изнутри. Мой ученик... он станет для тебя якорем. Заботясь о его боли, ты забудешь о своей.

— А если я откажусь? — спросил человек. — Я перережу твою нить прямо сейчас, — буднично сказал Алекс. — И ты перестанешь чувствовать боль. Вместе со всем остальным. Станешь пустым, как твой бывший король. Только тебя, в отличие от него, не ждет даже трон. Тебя ждет небытие. Выбирай. Служение или тишина.

Человек посмотрел в глаза Алексу. Он видел там ту же бездну, что носил в себе. — Как мне тебя называть? — спро-

сил он. — Мастер, — ответил Алекс. — А как мне называть тебя?

Человек задумался. Он посмотрел на свою кружку, на грязный стол, на свои руки, которые впитали столько чужого горя. — Называй меня Каэль, — сказал он. — Это ничего не значит. Просто звук.

— Хорошо, Каэль, — Алекс поднялся. — Допивай свою воду. Боль во дворце сейчас будет литься через край. Нам предстоит долгая дорога. Принц ждет.

Каэль кивнул. Он одним глотком осушил кружку, даже не поморщившись от кислого вкуса. — У меня есть условие, Мастер, — сказал он, вставая из-за стола.

Алекс замер у выхода из таверны. — Какое? — Когда мальчик сломается... а он сломается, глядя на то, что ты делаешь с этим миром... когда его нить будет готова лопнуть от того, что он увидит... я хочу иметь право перерезать ее самому.

Алекс долго смотрел на своего нового ученика. На этого странного, сломанного человека, который просил о праве на милосердное убийство. — Если он попросит тебя об этом сам, — тихо сказал Алекс. — Я не держу тех, кто хочет уйти. Но до тех пор... он мой.

— Договорились, — Каэль запахнул свой рваный плащ. — Куда мы едем?

— Туда, где нити судьбы не путаются под ногами у торгашей, — Алекс вышел в ночь. — В Забытые чертоги.

Они шли по темным улицам столицы. Впереди шел Алекс, раздвигая тьму своим голубым светом. За ним, ступая бесшумно, как тень, шел Каэль.

А в это время в Северной башне замка Алдрик Мудрый, прозванный когда-то Справедливым, сидел на полу у холодного камня и впервые в жизни плакал. Он плакал о детях в сожженных деревнях. О преданных союзниках. О жене, которую он только что убил во второй раз, чтобы спасти ее. И о сыне, которого он только что потерял, даже не заметив этого.

Его корона лежала на столе. И впервые за много лет она казалась не символом власти, а просто куском тяжелого, бесполезного железа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.